DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.053

УДК 811.161.1'373.2 + 811.112.2'373.2 +
+ 811.581'373.2 + 81'374.3

Н. Д. Голев

Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

О. П. Сологуб

Тайваньский национальный университет
Тайбэй, Тайвань

О ФАКТОРЕ КРЕАТИВНОСТИ В НОМИНАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (на материале обозначений птиц носителями разных языков)*

Настоящая статья является продолжением исследования номинативных механизмов в разных языках в условиях естественной номинации с антиномических позиций. Главным предметом рассмотрения по-прежнему является антиномия «национально-специфическое — универсальное» в ее соотношении с категориями «персональное — аперсональное», «креативное — акреативное» и др.

Цель работы — выявление соотношения указанных категорий, определение их удельного веса в актах номинации и на этой основе — более полное и объективное научное представление номинативного процесса.

Названные аспекты стихийной номинативной деятельности, проявленные в ее продуктах, созданных носителями разных языков (русского, немецкого, китайского), рассматриваются в работе с позиций акреативных тенденций такой деятельности, при этом акцент делается на анализе различных проявлений уклонения называющих субъектов от сильных форм фиксации специфики называемого объекта.

Лингвистический анализ в значительной мере основывается на материале узuallyных орнитонимов, входящих в номинативные системы русского и немецкого языков, окказиональных наименований, полученных в ходе экспериментальных исследований в разноязычных аудиториях; также в качестве материала для исследования привлекаются данные ассоциативного эксперимента, представленные в «Словаре обыденного толкования русских слов».

В результате проведенного анализа авторы приходят к выводу о доминировании универсальных тенденций в номинативной деятельности рядовых носителей языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а: номинация; мотивировка; национально-специфическое; универсальное; окказиональное; узuallyное; персональное; аперсональное; креативное; акреативное.

* Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект 15-04-00311 «Лингвокогнитивный анализ конфликтов в сфере обыденной политической коммуникации».

© Голев Н. Д., Сологуб О. П., 2017

1. Аккреативные факторы стихийной номинативной деятельности

Настоящая работа является продолжением антиномического анализа фундаментальных категорий «национально-специфическое» и «универсальное» в номинативной деятельности¹.

Эти категории обладают, кроме всего прочего, и теоретико-лингвистической значимостью. В этой связи логика нашего исследования такова: в первом разделе обсуждаются некоторые подходы к моделированию номинативного процесса и их издержки, приводящие к неполному или упрощенному представлению последнего, в том числе и в плане выражения тенденций к универсальному и национально-специфическому. Во втором разделе статьи производится детальный анализ одного из наиболее сильных проявлений тенденции к универсальному в номинативной деятельности рядовых носителей языка — их уклонения от креативности в актах номинации.

Итак, обозначим некоторые моменты в моделировании номинативного процесса, обуславливающие недостаточно полное, недостаточно корректное его описание, в том числе и в плане проявления антиномии «национально-специфическое — универсальное».

На наш взгляд, одной из методических особенностей многих исследований, ставящих своей задачей выявить, обосновать наличие в номинативных системах разных языков национально-культурной и/или национально-ментальной специфики, является отвлечение от момента обоснования принципа отбора материала и — в конечном итоге — его количественной характеристики. Это оказывается напрямую связано с качеством моделирования номинативного процесса и его результатов. Названная методическая особенность проявляется в следующих моментах моделирования номинативного процесса.

1. *Редукция (неучет) предноминативных этапов процесса номинации.*

На предноминативных этапах создаются окказиональные названия, существующие (или могущие существовать) в бесконечном числе окказиональных вариантов. Построение модели номинативной деятельности исключительно на узуальных наименованиях существенно снижает ее (модели) объяснительные возможности и вероятность надежной верификации.

2. *Редукция (неучет) постноминативных этапов номинативного процесса.*

Их протекание определяется факторами неноминативного порядка, их массовость и «мощность» нивелируют многие особенности предшествующих собственно номинативных этапов и соответственно собственно номинативных свойств имени. Редукция таких факторов в модели номинативного процесса ослабляет ее объяснительные возможности.

Редукция происходит по разным причинам, приведем некоторые из них.

А. Опора исключительно на литературные номинативные варианты современного русского языка. Это приводит к тому, что из поля зрения исследователя

¹ Предыдущее наше исследование, посвященное осмыслению данной проблематики, см. в [Голев, Соколов, 2017].

выпадает факт существования громадного пространства других форм общенародного русского языка: диалектных, профессиональных и др. Таков, например, словарь А. С. Савенко [2012], призванный лексикографически описать национальную специфику мотивировки названий птиц: в качестве заглавных лексем в этом словаре выступают литературные и научно-номенклатурные варианты орнитонимов (*альбатрос, буревестник, древолаз, китоглав, молотоглав, фаэтон*), лишь некоторая часть из них «восходит» к народным названиям, остальные — продукт научного терминотворчества.

Б. *Смешение литературных форм и научной номенклатуры.* Это также может видоизменить объективную картину номинативного процесса. На наш взгляд, степень ономаσιологических различий этих форм литературного языка значительно бóльшая, чем степень различий народных названий одной группы денотатов в разных языках [Голев, с. 27]. К примеру, в диалектной лексике природы в принципе невозможны мемориальные названия типа *нырок Бэрда*, а в научных терминах — мифологических (*вещунья*) или утилитарно-прагматических (*матёрка*). Сам по себе факт большого расхождения функциональных сфер одного языка в ономаσιологическом плане достаточно красноречиво говорит о влиянии на характер мотивировки целевых установок говорящих, той картины мира, которая присуща номинаторам.

Вследствие всего вышесказанного, выбор в качестве материала исследования исключительно «олитературенного» языкового материала (чаще всего литературных форм) делает их квалификацию как носителей искомой национальной специфики не вполне убедительной: рядом с избранными номинативными системами существует множество неизбранных, неучтенных, в том числе невозможных для учета (к таковым относятся, например, научная и отраслевая номенклатуры, терминологические системы, системы условно-символических наименований).

В. *Неучет процессов узуализации.* Процесс узуализации есть движение от плана создания нового имени к плану его функционирования как готовой номинативной единицы, что нередко сопровождается нейтрализацией номинативных свойств слова, деактуализацией мотивировочного признака — демотивацией (*синица* — не синяя, *пеганка* — не пегая, *зимородок* — не рождается зимой, *козодой* — не доит коз, *крапивник* — не обитает в крапиве, *жаворонок* — не ворона — подобных названий существует в диалектной лексике множество). На этой основе развиваются процессы деэтимологизации и народной этимологии.

Все процессы такого рода: узуалиция, лексикализация, терминологизация, демотивация, ремотивация — осуществляются как стихийные, акреативные, аперсональные процессы; субъективно-личностное начало в них растворено в массовости, индивидуальная субъектность — в коллективной. В конечном итоге эти антропоцентрические факторы воздействуют на языковую систему и формируют тенденцию к немотивированности, протекающую в стихийном формате. Эти моменты не всегда учитываются в ономаσιологической и мотивологической литературе с сопоставительным акцентом. Так, в упоминаемом выше «Мотивационно-сопоставительном словаре русского и английского

языков» словарные статьи строятся на материале опросов информантов, которые нередко «дают научное объяснение, высказывают свою гипотезу о том, почему слово получило такое название; например, *павлин*, как предполагается информантом, “был назван по имени путешественника Павла”; *пеночка* — “ест пенки с вареньем”» [Савенко, с. 11]. По нашему мнению, такого рода данные не фиксируют исходную номинацию и по этой причине не отражают взгляда называющего народа на внешний мир.

Здесь вернемся к начатому нами в предыдущем исследовании [Голев, Сологуб, 2017] обсуждению тезиса А. В. Суперанской, согласно которому мотивированное имя может отражать те или иные свойства называемого объекта, но реализация названной способности не носит обязательного характера [Суперанская, с. 170]. Данное положение касается не только синхронного бытия имени, но и его генезиса, включающего окказиональное порождение имени или его «предыменных» вариантов. Это важное положение не получило развернутого пояснения в книге А. В. Суперанской. На наш взгляд, оно осталось незамеченным в отечественной ономастиологии и ономастике. Вопрос о степени вероятности-обязательности отражения в мотивированном имени мотивировочного признака остается открытым, хотя, разумеется, его так или иначе касались многие. В этом вопросе доминирует представление о главенствующей роли информативной, отражательной (в контексте нашего обсуждения — мотивировочной) функции имени, воплощаемой в его внутренней форме. Как мы показали, ориентации на отражение придается целеполагающий характер, часто она трактуется как интенция называющего субъекта. Обсуждая вопрос об отражательных свойствах имени, исследователи часто не принимают во внимание условную сторону имени, не учитывают представление о мотивировке как о техническом, а не идеологическом (ментальном, отражательном) плане мотивировки. Несущественность последнего в процессах функционирования слова иллюстрирует, например, тот факт, что демонстративно неотражательные названия типа *безымянный палец*, *суббота* выполняют коммуникативную функцию ничем не хуже названий прочих: информативно-отражательных, мотивированных (*большой*, *средний*, *указательный палец*; *вторник*, *среда*, *четверг*, *пятница*) и слабомотивированных (*мизинец*; *понедельник*, *воскресенье*) названий. Таким образом, коммуникативное функционирование поглощает генетическое бытие слова, застывшее в его морфемной структуре.

На представлении об отражательной природе имени строятся и различные исследования массивов наименований — к их числу относятся также сопоставительные и типологические исследования; в последних установка на отражение трактуется уже не как номинативная особенность именуемого индивидуума, а как номинативная тенденция всего языкового коллектива. Во многих из таких исследований заметно влияние популярных концептов «картина мира», «языковая картина мира», предполагающих в их сильных вариантах трактовку выбора мотивировочного признака как проявления влияния группового специфического (для каждого коллектива) видения мира (фрагмента мира).

Таким образом, изложенные выше представления о характере моделирования номинативного процесса в современных лингвистических исследованиях согласуются с ранее сделанными нами выводами о том, что основные тенденции процессов номинации в разных языковых коллективах совпадают, и «языковые картины мира» (фрагментов мира, в нашем случае — мира птиц) не отличаются большим национальным своеобразием [Голев, Сологуб, 2017].

Проиллюстрируем данный вывод анализом еще одной номинативной стратегии, реализуемой носителями языка, — уклонения от креативности в номинативной деятельности.

2. Уклонение от креативности в номинативной деятельности

Одной из стратегий номинативной деятельности в условиях естественной номинации является отказ от имитаторства, опора на сложившуюся «сетку» наименований, извлечение из нее уже готовых номинативных единиц. Главной речемыслительной операцией в данном случае является процесс отождествления и последующее использование отождествляющих номинаций. Уклонение от креативности в данном случае мы понимаем, таким образом, как примат отождествляющей функции имени над выделяющей функцией.

2.1. Широкое использование отождествляющих номинаций

Процессы отождествления весьма характерны для естественной номинации птиц в разных языках, о чем свидетельствует большое количество отождествляющих наименований как в сложившихся номинативных системах русского и немецкого языков, так и в ответах участников экспериментов. Основой отождествления выступают, как правило, одни и те же — известные, широко распространенные — виды птиц:

— синица: *синичка* ‘трясогузка белая’ (новг.), *синька* ‘жаворонок рога-тый’ (Обь) и др. — *Meise* ‘синица’: *Reidmeise* ‘болотная камышевка’ (мюнст.), *Thannmeissli* ‘королек’ (б. п.), *Baummeise* ‘поползень’ (б. п.) и др.;

— трясогузка: *большая трясогузка* ‘оляпка’ (яросл.) — *Bachstelze* ‘трясогузка’: *Waldbachstelze* ‘лесной конек’ (Ланд-Луст);

— воробей: *снежный воробей* ‘пуночка’ (каз.), *водяной воробей* ‘оляпка’ (повс.), *каменный воробей* ‘зимородок голубой’ (сиб.), *луговой воробей* ‘дубровник’ (повол.), *сыч-воробей* ‘сычик’ (каз.) и др. — *Sperling* ‘воробей’: *Rohrsperlinge* ‘камышевка дроздовидная’ (повс.), ‘овсянка камышевая’ (Ланд-Луст); *Spatz* ‘воробей’: *Rohrspatzen* ‘сорокопут-жулан’ (б. п.) и др.;

— ласточка: *ластовица* ‘крачка-мартышка’ (оз. Сарпа), *ласочка* ‘стриж черный’ (новг.) — *Schwalbe* ‘ласточка’: *Nachtschwalbe* ‘козодой’ (бар.), *Seeschwalbe* ‘зимородок’ (силез.), *Meerschwalbe* ‘крачка’ (страсб.);

— дятел: *дятелок* ‘поползень’ (яросл.), *плавневой ятель* ‘зимородок голубой’ (Днестр) — *Specht* ‘дятел’: *Murspecht* ‘пищуха’ (б. п.), *Wasserspecht* ‘зимородок’ (штайерм.), *Blauspechtle* ‘поползень’ (силез., сакс. и др.);

— ворона: *вороненочек* 'стриж черный' (ряз.), *воронок* 'ласточка' (повс.), *воронка* 'сизоворонка' (б. п.), *ворон* 'ястреб' (калуж.) — *Rabe* 'ворон': *Nachtrabe* 'козодой' (пфальц., вестф.), *Blauracke* 'сизоворонка' (прусск., альтм. и др.)².

Доминирование отождествляющих наименований мы наблюдаем и в ассоциативных словарях, в частности, в СОТРС. Во-первых, посредством отождествляющих номинаций выражаются более конкретные, чем родовые (птица, зверь, цветок), ассоциации носителей языка, возникающие при восприятии птиц, например, аист ассоциируется с цаплей, альбатрос и гага — с чайкой, воробей — с дроздом, глухарь и грач — с вороном, горихвостка — с сорокой, гриф — с орлом, куропатка — с тетеревом, кулик — с выпью и т. д. Во-вторых, отождествляющие номинации служат средством выражения значения слов-бионимов: *морская птица, похожа на чайку, только крупнее* (об альбатросе); *птица, наверное, с хохолком, похожая на дятла* (о выхухоли); *птица с черным оперением, родственная вороне* (о галке); *коричневая птичка, похожая на голубя* (о горлице); *похожая на ворона* (о граче); *птичка певчая размером с воробья, но окраска очень яркая* (о зяблике); *птица с длинной шеей, вроде аиста; птица, возможно, родственник чибиса* (об ибисе).

Данная стратегия является одним из наиболее продуктивных способов решения задачи по созданию наименований для участников экспериментов (отождествляющие наименования представлены в каждом из экспериментов более чем в одной трети анкет). Результаты экспериментов, проведенных с носителями русского языка, были уже описаны нами в предыдущей работе [Голев, Сологуб, 1990]. В настоящей работе мы развиваем основные положения нашего анализа, дополняя их новыми данными, полученными в ходе эксперимента с носителями китайского языка. Участники всех экспериментов нередко игнорировали установку экспериментатора на создание новообразований, на личное словотворчество. Даже если «анкетер» стремился помочь испытуемым создать новообразования, эта помощь ими отклонялась, ср.: *У птицы крылья красные. Назвали бы Вы ее краснокрылкой? — Мы по крыльям не называем, а как знаем, так и называем: сорока, ворона, дятел*. Называющим оказалось гораздо легче «вписать» предложенный для номинации вид в издавна сложившуюся сетку обозначений подобного рода объектов. Нередко эти процессы сопровождаются процессами сравнения: *желтобрюхий, похож на дрозда* (о пересмешке зеленой); *хвост, как у ласточки* (о сорокопуде-жулане); *похожа на чайку* (о крачке речной); *красивенька, как кулик* (о зимородке голубом); *эта подвид снегиря, красный* (о сизоворонке) и др. (русские респонденты); *как кондор* (об ибисе); *как красная утка, как лебедь* (об алом ибисе); *птица, которая очень похожа на туканов* (о птице тукан) (тайваньские респонденты). При этом участники эксперимента часто осознают неточность, некорректность систематизации

² Источником русских орнитонимов послужили различные диалектные словари русского языка, орнитологические справочники, очерки ученых-орнитологов. Немецкие орнитонимы извлечены из монографии Г. Суолахти [Suolahti].

именуемых объектов, ср.: *похож на дрозда; утка что ли, не знаю, водоплавающая; ласточка, но она сизая; как куропатка вроде бы; вроде опять как дятел; скворчик не скворчик; серая птица, может, трясогузка; какая-то сизая птица, по-моему, чайка* (русские респонденты-диалектоносители); *кажется, напоминает фазана; по моим ощущениям — сова; фазан? Кажется, знакомый* (тайваньские респонденты). Но, тем не менее, испытуемые, несмотря на колебания, отраженные в их предноминативной деятельности, доводят ее до логического конца, создавая прямые отождествляющие номинации. Например, для саксаульной сойки носители русского языка используют отождествляющие номинации *сорока, оляпка, трясогузка, чайка*; для сорокопута-жулана и щегла — *ласточка*; для сизоворонки и зарянки — *снегирь*; для крапивника и оляпки — *скворец*; для зяблика и щегла — *синичка* и т. д. Тайваньские респонденты также дают такого рода наименования, например, голиаф получает отождествляющие номинации *тигровая выть, зимородок, кондор*; ибис — *бурый гриф*; морская турако — *воробей*; птица-носорог — *пеликан*; королевский скворец — *голубая сорока*; алый ибис — *красная цапля*; сулавесский калао — *тукановая птица*.

Крайнее проявление уклонения от креативного компонента номинативной деятельности можно наблюдать в ситуации прямого отказа реципиента включаться в обозначение биологического объекта. В отдельных случаях респонденты не воспринимали поставленную перед ними задачу имянаречения как насущную, необходимую для реализации, и в ответ на просьбу произвести номинативные акты они отвечали прямым отказом, демонстрируя тем самым отсутствие интенций в создании новых наименований, свою акреативность. Так, например, диалектоносители на вопрос *Как бы вы назвали эту птицу?* порой попросту уклонялись от ответа: *А зачем нам ее называть?* Случаи уклонения от «новообразовательной» стратегии мы наблюдали и в эксперименте, проводимом с носителями китайского языка, когда получали ответы типа *Не знаю, что это; Что это такое?* Такое речевое поведение свидетельствует о том, что носители языка в ситуациях обыденного общения не видят необходимости специально создавать наименования незнакомых им объектов. У испытуемых есть ощущение, что все уже названо, что название где-то существует и создавать его вновь нет никакой необходимости, поэтому словотворчество не является живой «номинативной традицией», оно как бы утратило свою актуальность.

Итак, и результаты анализа орнитонимов узуального характера, и данные ассоциативных словарей, и показания участников эксперимента свидетельствуют о том, что ярко выраженной тенденцией в условиях необходимости употребления наименования для малознакомой / незнакомой птицы является стремление носителей языка определить место именуемого объекта в сформированной в их сознании народной номенклатуре птиц путем отождествления с уже известными видами птиц (вместо затраты определенных усилий на новообразование). При этом испытуемые предпочитают ошибиться, но тем не менее определить место обозначаемого вида в имеющейся у них «биологической классификации», которая часто довольно далека от научной.

2.2. Использование номинативных единиц широкой семантики

Другим вариантом уклонения от номинации является использование вместо новообразования номинативной единицы широкого содержательного плана. Проявление данной тенденции мы усматриваем в довольно часто встречающихся отождествлениях незнакомых птиц с птицами домашними. Подобные случаи мы наблюдали в номинативных системах русских и немецких орнитонимов, где в качестве наименований для различных птиц использовались номинативные единицы *курица*, *петух*: *курушка* ‘чайка’ (олон.), *курочка* ‘кукушка’ (волог.), *курица* ‘ворона’ (арх.), *степные куры* ‘дрофа’ (иркут.), *петушок* ‘королек желтоголовый’ (моск.), ‘удод’ (томск.), *бережной петушок* ‘стриж’ (арх.), *кочет* ‘фазан’ (терск.) — *Huhn* ‘курица’, *Hahn* ‘петух’: *Rebhunli* ‘серая куропатка’ (б. п.), *Shildhahn* ‘тетерев’ (австр.), *das Kirchenhunli* ‘сыч домовый’ (б. п.), *Holtzhun* ‘черный дятел’ (б. п.), *Weld mierzong* ‘большая дрофа’ (люксемб.), *Wasserhunle* ‘бекас обыкновенный’ (б. п.), *Kothahn* ‘удод’ (страсб.). Реже в данной функции выступают орнитонимы *утка*, *индейка*: *зимняя утка* ‘тетерев’ (арх.), *лесная индейка* ‘глухарь’ (брян.).

Для наименования птиц с необычным внешним видом, ярким внешним признаком используются названия экзотических птиц — *попугай* в русском языке: *попугай* ‘свиристель’ (б. п.), ‘удод’ (б. п.), ‘чибис’ (б. п.); *попугайчик* ‘тупик’ (б. п.), *попугайка* ‘обыкновенная каменка’ (Енисей); *Strauss* ‘страус’ в немецком языке: *Strussentli* ‘чернеть хохлатая’ (швейц.), *Straus Teucher* ‘поганка большая’, *Strussmeislin* ‘синица хохлатая’ (б. п.), *Strüssli* ‘королек’ (Берн).

Та же тенденция находит отражение и в ассоциативном словаре [СОТРС], это, например, такие реакции: *индюк* (выхухоль, кукушка); *гусь* (гага, куропатка, лунь); *птица, похожая на курицу* (глухарь, куропатка); *птица, что-то среднее между уткой, гусем и пеликаном* (гага); *птица, что-то похожее на индюка* (глухарь); *курица*; *курица, у которой припадки*; *цыплята*; *дикая курица*; *дикая курочка*; *птица наподобие курицы* (куропатка).

Тайваньские респонденты также порой сравнивали незнакомых птиц с домашними птицами. Так золотой фазан вызвал реакции *как курица*; *красная курица*; *разноцветная курица*; *курица-огонь*; *как петушок*; *красивый петушок*; бородатый барбета — *маленькая курица*; *курица*; *ибис* — *индейка*; *индейка с длинным клювом*; красная хохлатая турако — *зелёная курица с коротким клювом*; птица голиаф — *утка*; королевский скворец — *тупоголовая утка*.

Для наименования птиц с необычным внешним видом, с ярким внешним признаком носители разных языков используют названия экзотических птиц. Например, русские используют в этих целях орнитоним *попугай*: *попугай* ‘свиристель’, ‘удод’, ‘чибис’; *попугайчик* ‘тупик’, *попугайка* ‘обыкновенная каменка’. Этот же орнитоним использовали и тайваньские респонденты в качестве реакции на экзотических птиц с яркими внешними признаками: *попугай* (морская турако); *миниатюрный и милый попугай*; *цвет зелёный, как у попугая* (красная хохлатая турако); *попугай с петушиным гребешком* (сулавесский калао). Реже

в этих целях используется орнитоним *павлин*: *павлин* ‘горихвостка’ [СОТРС]; *павлин*; *как павлин*; *павлин распускает перья* (венценосный журавль, коронованный голубь); *жёлтый павлин*; *перья на шее, как распушенные перья павлина* (венценосный журавль); *синий павлин*; *хохолок как у павлина* (коронованный голубь) (тайваньские респонденты).

В ряде случаев участники эксперимента поднимались на крайнюю ступень обобщения и использовали родовые имена, не считая важным и актуальным давать более определенную характеристику именуемому объекту. Показательна в этом плане реакция одного из русских участников эксперимента: *Птица и птица. Так бы и назвал: птица* [Голев, Сологуб, 1990]. Особенно ярко тенденция использования родового имени обозначилась в ассоциативных словарях: во всех словарных статьях с названиями птиц присутствует ассоциация *птица*, в подавляющем большинстве случаев она является наиболее продуктивной. Например, в СОТРС 32 % (32 из 100) и в РАС 19 % (21 из 109) ассоциатов орнитонима *воробей* — это родовое имя *птица*, *птичка*. Для орнитонимов *галка* и *дятел* процент употребления родовых имен в качестве ассоциатов составляет соответственно 44 % (СОТРС) — 20 % (РАС) и 27 % (СОТРС) — 17 % (РАС). Также довольно часто родовое имя используется и при толковании лексического значения: *птица или лягушка, не помню точно ‘кряква’*; *птица, возможно, редкая*; *птица (точнее описать не могу)*; *птица, может быть ‘ибис’*; *птичка?*; *птичка (вроде птичка) ‘иволга’*. Подобные реакции присутствуют и в ответах тайваньских респондентов: *птица* (морская турако); *тип птиц* (сиреневогрудая сизоворонка); *плавающая птица* (алый ибис, птица голиаф, ибис); *птица из тропиков* (королевский скворец, бородатый барбета)³.

Тайваньские респонденты, помимо того, использовали определения самого общего характера, не желая тратить усилия на выражение каких-либо отличительных признаков птицы: *странная* (сулавесский калао, птица-носорог, птица-тукан), *странная птица* (птица-тукан, королевский скворец, ибис), *обычная* (птица-голиаф); *простая и без всяких украшений, интенсивная* (птица-носорог), *китайская традиционная* (золотой фазан); *необычные цвет и порода* (коронованный голубь); *птица, которая выглядит необычной* (сулавесский калао). В ответах русских респондентов роль таких определений выполняют неопределенные местоимения: *какая-нибудь птичка*; *птица какая-то ‘ибис’* [СОТРС].

Таким образом, не желая тратить усилий, не считая актуальным, важным создание отличительного названия птицы, субъекты номинативной деятельности использовали для номинации самые общие названия: это названия домашних птиц, распространенных экзотических птиц, родовые названия, прилагательные с обобщенной семантикой, местоимения. Подобного рода

³ Доминирование одной и той же тенденции в ономастологической и семасиологической деятельности (речемыслительной и языкотворческой, по Л. Н. Засориной [Засорина, с. 9]) дает основание для вывода об их корреляции.

номинации используются во всех рассматриваемых языках, следовательно, данную тенденцию можно считать универсальной.

Показателем продуктивности данной тенденции явились данные ассоциативных словарей, содержащие результаты ассоциативных экспериментов. Наибольший процент ассоциатов к орнитонимам приходится на родовое имя *птица*, оно же наиболее частотно при толковании значения слова-бионима.

Заключение

Итак, проведенное исследование одной из ведущих стратегий номинативной деятельности носителей разных языков в сфере естественной номинации — уклонения от креативности в номинативной деятельности, как и анализ другой номинативной стратегии — реализации единых механизмов номинативной деятельности [см.: Голев, Сологуб, 2017], — позволяют сделать вывод о более сильном проявлении универсальных тенденций в номинативном процессе, чем это обычно представляется в ономаσιологической литературе с сопоставительным содержанием. Особенно ярко это проявляется в актах отказа от создания нового наименования и в опоре на уже сложившуюся «сетку» наименований, «вписывании» именуемого объекта в эту «сетку» (использование отождествляющих номинаций): носители разных языков нередко используют для отождествления одни и те же виды птиц, характер отождествления принципиально не различается. В не меньшей степени отказ от креативного начала и возрастание удельного веса универсальных тенденций наблюдаются в актах использования слов широкой семантики: наименований домашних птиц, экзотических птиц с яркими внешними признаками, родовых имен, широких определений. В ряде случаев уклонение от креативности в номинативной деятельности находило свое крайнее выражение: носители отказывались от номинации, считая это неактуальным для своей практической (в том числе и коммуникативной) деятельности.

Заявленная нами проблема соотношения двух тенденций сложна и многогранна. Основные наши выводы касаются проявления универсальных тенденций. Акцентированное рассмотрение национально-специфического плана номинации предполагает постановку отдельной самостоятельной задачи и системный подход к ее решению. Возможно, что реализация такой задачи потребует привлечения данных разных (особенно в типологическом отношении) языков, различных функциональных сфер имен, расширения экспериментальных данных.

Источники

РАС — Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 1 : От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М. : АСТ-Астрель, 2002.

Савенко А. С. Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: орнитонимы. М. : URSS, 2012.

СОТРС — Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы : в 2 т. Т. 1 : А — М (АБРИКОС — МУРАВЕЙ) / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово : Изд-во Кем. ун-та, 2011.

Suolahti H. Die deutschen Vogelnamen. Eine wortgeschichtliche Untersuchung. Strassburg, 1909.

Исследования

Голев Н. Д. О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны // Русские говоры Сибири / ред. В. В. Палагина. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1981. С. 17–28.

Голев Н. Д., Сологуб О. П. Антиномический анализ тенденций к универсальному и национально-специфическому в номинации (на примере обозначений птиц в разных языках) // В созвездии слов и имен : сб. науч. ст. к юбилею Марии Эдуардовны Рут / редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.), Т. Н. Дмитриева, Н. В. Кабинина и др. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 274–292.

Голев Н. Д., Сологуб О. П. Соотношение известного и нового в процессе естественной номинации (на материале народной лексики природы и лингвистического эксперимента в с. Мельникове, Шегарского р-на Томской области) // Русские старожильческие говоры Сибири / отв. ред. В. В. Палагина. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1990. С. 3–11.

Засорина Л. Н. О некоторых эмпирических принципах металингвистики // Вопросы металингвистики / отв. ред. Л. Н. Засорина. Л. : Изд-во ЛГУ, 1973. С. 5–26.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973.

Сокращения в названиях говоров

австр. — австрийские говоры немецкого языка
альтм. — алтмаркские говоры немецкого языка
арх. — архангельские говоры русского языка
б. п. — без помет
бар. — барийские говоры немецкого языка
брян. — брянские говоры русского языка
вестф. — вестфальские говоры немецкого языка
волог. — вологодские говоры русского языка
иркут. — иркутские говоры русского языка
каз. — казанские говоры русского языка
калуж. — калужские говоры русского языка
люксемб. — люксембургские говоры немецкого языка
моск. — московские говоры русского языка
мюнст. — мюнстерские говоры немецкого языка
новг. — новгородские говоры русского языка

олон. — олонекские говоры русского языка
повол. — поволжские говоры русского языка
повс. — повсеместно
прусск. — прусские говоры немецкого языка
пфальц. — пфальцские говоры немецкого языка
ряз. — рязанские говоры русского языка
сакс. — саксонские говоры немецкого языка
сиб. — сибирские говоры русского языка
силез. — силезские говоры немецкого языка
страсб. — страсбургские говоры немецкого языка
терск. — терские говоры русского языка
томск. — томские говоры русского языка
швейц. — швейцарские говоры немецкого языка
штайерм. — штайермаркские говоры немецкого языка
яросл. — ярославские говоры русского языка

Статья поступила в редакцию 27.06.2017

Голев Николай Данилович

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка,
Кемеровский государственный
университет
650043, Кемерово, ул. Красная, 6
E-mail: ngolevd@mail.ru

Сологуб Ольга Павловна

доктор филологических наук, доцент
факультета иностранных языков
и литератур,
Тайваньский национальный университет
10617, Taiwan, Taipei, Roosevelt Rd., No. 1,
Sec. 4
E-mail: olsolpa@mail.ru

Golev, Nikolay Danilovich

Dr. Hab. (Philology), Professor
Chair of the Russian Language
Kemerovo State University
6, Krasnaya Str., 650043 Kemerovo, Russia
Email: ngolevd@mail.ru

Sologub, Olga Pavlovna

Dr. Hab. (Philology), Associate Professor
Department of Foreign Languages
and Literatures
National Taiwan University
No. 1, Sec. 4, Roosevelt Rd., 10617 Taipei,
Taiwan
Email: olsolpa@mail.ru

**ON THE ROLE OF CREATIVITY IN NOMINATION ACTS
(with Reference to Designations of Birds in Different Languages)**

This article continues the research of nominative mechanisms in different languages from the antinomic perspective in the conditions of natural nomination. As previously, the subject-matter of the analysis is the antinomy “national-specific — universal” in its relationship with the categories “personal — impersonal”, “creative — uncreative”, etc. The work aims to identify the relationship of the above categories, estimating their share in acts of nomination, and provide a more complete, and more objective description of the nominative process.

The said aspects of spontaneous nominative activity manifesting themselves in the resulting products created by native speakers of different languages (Russian, German, Chinese) are considered in the work from the perspective of non-creative trends of such activity. It should be noted that emphasis is made on the analysis of various occurrences of deviation from strong forms of fixation of the specific character of the designated object by the subjects of nomination.

The linguistic analysis is largely based on common ornithonyms that are part of nominative systems of the Russian and German languages, occasional names obtained in the course of experimental research in multilingual audiences; associative experimental data represented in the “Dictionary of Non-scholarly Interpretations of Russian Words” are also referred to for the analysis.

The authors conclude that universal trends dominate in the nominative activity of the average native speakers of different languages.

Key words: nomination; motivation; national specific; universal; occasional; usual; personal; non-personal; creative; non-creative.

Acknowledgements

The work is sponsored by the *Russian Foundation for Humanities*, project 15-04-00311 “Linguistic-cognitive Analysis of Conflicts in the Field of Everyday Political Communications”.

Golev, N. D. (1981). O nekotoryh obschih osobennostjakh principov nominatsii v dialektnoi leksike flory i fauny [On Some General Features of Nomination Principles in Dialectal Vocabulary of Flora and Fauna]. In V. V. Palagina (Ed.), *Russkie govory Sibiri* [Russian Dialects of Siberia] (pp. 17–28). Tomsk: Tomsk University Press. (In Russian)

Golev, N. D., & Sologub, O. P. (1990). Sootnoshenie izvestnogo i novogo v processe jestestvennoy nominatsii (na materiale narodnoy leksiki prirody i lingvisticheskogo eksperimenta v s. Mel'nikove, Shefarskogo r-na Tomskoy oblasti) [The Correlation of the Known and the New in the Process of Natural Nomination (With Reference to the Popular Vocabulary of Nature and Linguistic Experiment in the Village of Melnikovo of Shegarsky District of Tomsk Region)]. In V. V. Palagina (Ed.), *Russkie starozhil'cheskie govory Sibiri* [Russian Old-Residents' Dialects of Siberia] (pp. 3–11). Tomsk: Tomsk University Press. (In Russian)

Golev, N. D., & Sologub, O. P. (2017). Antinomicheskiy analys tendencij k universalnomu i nacionalno-specificheskomu v nominatsii (na primere oboznachenij ptits v raznyh yazyikah) [An Antinomic Analysis of Trends towards Universal and Nationally Specific Patterns in Naming (Based on Designations of Birds in Different Languages)]. In E. L. Berezovich, T. N. Dmitrieva, N. V. Kabinina et al. (Eds.), *V sozvezdii slov i imen: sbornik nauchnykh statej k jubileju Marii Eduardovny Rut* [In Constellation of Words and Names: Collection of Scholarly Papers for the Birthday of Maria Eduardovna Rut] (pp. 274–292). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Superanskaya, A. V. (1973). *Obschaja teorija imeni sobstvennogo* [General Theory of the Proper Name]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Zasorina, L. N. (1973). O nekotoryh empiricheskikh principah metalingvistiki [On Some Empirical Principles of Metalinguistics]. In L. N. Zasorina (Ed.), *Voprosy metalingvistiki* [Metalinguistic Issues] (pp. 5–26). Leningrad: Leningrad University Press. (In Russian)

Received on 27 June, 2017